

Взгляды в современном Иране на Персидский поход Петра I

М.А. Подрезов

Институт востоковедения Российской академии наук

Статья посвящена исследованию исторической памяти современных иранцев о малоизученном периоде российско-иранских отношений – Персидском походе Петра I, ставшем первой серьёзной попыткой России завоевать территории своего южного соседа. Автор анализирует трактовку этого события в научных статьях персоязычных авторов, материалах иранских информагенств и учебных пособиях. Значительное внимание уделяется исследованию особенностей восприятия иранцами Персидского похода в сравнении российско-иранскими войнами начала XIX века. Автор приходит к выводу, что кампания Петра I не воспринимается иранцами как война и чётко отграничивается от конфликтов последующего века. Такое отношение обусловлено кратковременностью похода, быстрым мирным восстановлением статус-кво, отсутствием формального состояния войны между Россией и правительствами Тахмаспа II и шахов из династии Хотаки и вооружённых столкновений между армиями двух стран. Персидский поход не рассматривается ни в немногочисленных публикациях по исторической проблематике иранских СМИ, ни в разделах учебной литературы, посвящённых Петру I, ни в научных исследованиях. Подобное «забвение» нельзя объяснить отсутствием интереса к фигуре первого российского императора: он чаще других российских правителей упоминается в СМИ, а в учебной и научной литературе ему уделено внимания больше, чем другим российским историческим деятелям. В современной иранской историографии Пётр I предстаёт как фигура, определившая новый вектор российско-иранских взаимоотношений, но не как лидер, предпринявший попытку экспансии на территории их страны. Изучение представления в современном Иране о фигуре первого русского императора будет полезно в рамках анализа истории двусторонних отношений и факторов, повлиявших на восприятие иранцами образа России.

Ключевые слова: российско-иранские отношения, русско-персидские войны, Тахмасп II, Надир-шах, Петербургский договор

УДК: 327.2

Поступила в редакцию: 10.03.2022

Принята к публикации: 15.12.2022

В настоящее время на фоне ухудшения отношений со странами Запада двустороннее сотрудничество между Россией и Ираном активно развивается. Однако его история знала периоды как взлётов, так и падений. Проведённый в 2007 г. среди студентов Исфаханского университета опрос показал, что более 70% респондентов негативно оценивают историю российско-иранских отношений (Омиди 2008: 83–86). Во многом эта оценка сформирована событиями XIX–XX вв.: русско-персидскими войнами 1804–1813 и 1826–1828 гг., участием России в подавлении Конституционной революции 1905–1911 гг., вводом советских и британских войск в Иран в 1941 г. (Омиди 2008: 74). Эти события широко обсуждаются и изучаются иранской исторической наукой и упоминания о них периодически возникают в политическом дискурсе и в прессе. Между тем Персидскому походу Петра I, который заложил основы российской политики на южном направлении, в Иране посвящено сравнительно мало трудов.

В данном исследовании проведён анализ работ иранских исследователей Персидского похода, публикаций информационных агентств, а также иранских школьных пособий. Исследована оценка похода Петра I с позиции иранских учёных, показано восприятие этого похода современными иранцами в контексте формирования исторической памяти населения в отношении к России.

Трактовка Персидского похода в персоязычном дискурсе

Иранская историческая наука при описании Персидского похода не использует термин «война». В персоязычной литературе «первой» и «второй» войнами Ирана с Россией называют конфликты 1804–1813 и 1826–1828 гг. (Мошфакифар 2008: 91), тогда как события 1722–1723 гг., в зависимости от авторского отношения, трактуют как поход¹, военная кампания, нападение (Колизаде 2014: 115–116), вторжение² или агрессия (Хушанг Мехдеви 2007: 62). В современной научной литературе, учебниках и публикациях информагентств применительно к Персидскому походу термин «война» использован только на сайте агентства ИРНА³ и на странице персидской Википедии⁴. Не принимать во внимание

¹ Кате'ат-е нав-е джанги-йе петр-е кабир дар хазар кашф шод (В Каспийском море обнаружена часть военного корабля Петра Великого). *ИРНА*. URL: <https://www.irna.ir/news/82271560/> (дата обращения: 07.09.2021)

² Хамлат-е русие бе иран (Вторжения России в Иран). *Донья-ѐ эхтесад*. URL: <https://donya-e-eqtesad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A7%D9%82%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%AF-36/3356686-%D8%AD%D9%85%D9%84%D8%A7%D8%AA-%D8%B1%D9%88%D8%B3%DB%8C%D9%87-%D8%A8%D9%87-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86> (дата обращения: 07.09.2021)

³ Кат'ат-е нав-е джанги-йе петр-е кабир дар хазар кашф шод (В Каспийском море обнаружена часть военного корабля Петра Великого). *ИРНА*. URL: <https://www.irna.ir/news/82271560> (дата обращения: 07.09.2021)

⁴ Джанг-е иран ва русие (1722–1723) (Война Ирана и России (1722–1723)). *Bukunedia*. URL: [\(дата обращения: 07.09.2021\)](https://fa.wikipedia.org/wiki/%D8%AC%D9%86%DA%AF_%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86_%D9%88_%D8%B1%D9%88%D8%B3%DB%8C%D9%87_(%DB%B1%DB%B7%DB%B2%DB%B3%E2%80%93%D8%B1%DB%B7%DB%B2%DB%B2))

Википедию не стоит, поскольку на данный момент это самая популярная электронная энциклопедия. Обращает на себя внимание, что у персидской версии статьи источники исключительно русско- и англоязычные, в отличие от статей про русско-персидские войны начала XIX в., то есть оценка Персидского похода привнесена из-за рубежа и не соотносится с собственно иранской.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на признание наличия конфликта между Россией и Сефевидским Ираном в 1722–1723 гг., иранцы (представители академического сообщества и журналисты популярных информационных агентств) чётко разграничивают поход Петра и русско-персидские войны первой четверти XIX в. Каковы причины подобного подхода?

В Иране опубликовано значительное число трудов, посвящённых войнам с Россией в XIX в. и утрате страной территорий Кавказа, до сих пор с горестью упоминаемое иранцами. Во многих работах по предыстории упомянутых войн стремление Петра I выйти к южным морям и его «политическое завещание» (которое современная наука признаёт позднейшей фальсификацией) рассматриваются как поворотная точка российско-иранских отношений и политики России на Кавказе. Но поход именуется не войной, а некой предысторией русско-персидских войн – даже в немногочисленных статьях, целиком посвящённых походу (Хушанг Мехдеви 2007).

Иранские школьные учебники для старших классов, где описана история страны в конце XVIII – начале XIX вв., вхождение Грузии в состав России (в иранском терминологии – «захват территории Грузии» и «поход на Кавказ») называют событием, положившим начало русско-персидским войнам. Ко времени Петра I относят поворот к экспансии на территории Персии и Османской империи и в направлении Индии⁵, но «колониальные» и «захватнические» действия России в отношении Персии рассматриваются лишь с конца XVIII – начала XIX вв.⁶

На мой взгляд, такая трактовка Персидского похода кроется в восприятии его специфики иранской историографией. Во-первых, формально ни шахи из афганской династии Хотаки, ни Тахмасп II не вели войну с Россией (между двумя странами не было серьёзных вооружённых столкновений). Пётр ввёл войска с разрешения Махмуда Хотаки. Предлогом стала, как пишут иранские исследователи, защита жизни и имущества российских подданных на территории Ирана (Зареи 2019: 114). Во-вторых, хотя у Персии и были формально отобранные территории Восточного Кавказа и южного побережья Каспия на основании Петербургского договора 1723 г. с шахским посланником Исмаил-беком и соглашения в Константинополе 1724 г. с Османской империей, значительная

⁵ Абухамзе А., Багестани Э., Бижани М., Могодам А.П., Хешмати Ф., Резави А., Хорасани Х.Р., Салими Х., Фатхи К., Салехиния П. 2020. Тарих (3) – иран ва джахан-е мо'асер (История (3) – Иран и современный мир). Тегеран: Шеркат-е чап ва нашр-е кетабха-йе дарси-йе иран. С. 41.

⁶ Велайати А.А., Манеш Д.Е., Мирзаи Г.Р., Таваколи Й., Джавидийан М. 2013. Тарих-е мо'асер-е иран (Современная история Ирана). Тегеран: Шеркат-е чап ва нашр-е кетабха-йе дарси-йе иран. С. 18–19.

часть «присоединённых» территорий (Мазандаран и Астрабад) никогда не находилась под контролем России. Русские войска присутствовали на западном побережье Каспия и в Гиляне – но болезни, распространившиеся во влажном климате южного побережья Каспия, и враждебное отношение местных жителей не дали возможности закрепиться в провинции. Нельзя сказать, что Российская империя не стремилась оставить за собой территории нынешнего Дагестана и Азербайджана, где климат более привычный и которые расположены ближе к основной территории страны. Но когда ситуация в Персии стабилизировалась и к власти пришёл талантливый полководец Надир Афшар, Россия была вынуждена уйти из региона. По Рештскому и Гянджинскому трактатам 1732 и 1735 гг. она вернула Персии завоёванные территории, благодаря чему в регионе установился статус-кво вплоть до конца XVIII – начала XIX вв.

События Персидского похода

Воспроизведём на основе работ иранских авторов общий ход российско-иранских отношений с начала 1720-х гг. до заключения Гянджинского трактата 1735 г.

К 1720-м гг. Сефевидское государство под руководством шаха Солтан Хусейна серьёзно ослабело. Посольство А. П. Волинского, посетившее Персию во второй половине 1710-х гг. с целью разведки обстановки, сообщало о низкой боеспособности армии и общем развале дел. Дипломат писал в Петербург, что через эту страну можно достичь южных морей и Индии, и это завоевание будет нетрудно осуществить (Хушанг Мехдеви 2007: 62). В то время и Турция обратила внимание на Иран: после заключения в 1718 г. Пассаровицкого мира с Австрией её руки были развязаны для наступления на ослабленных Сефевидов.

В 1721 г. Пётр заключил Ништадтский мир, а на следующий год вторгшиеся в Иран афганцы, ведомые Махмудом Хотак, разбили иранскую армию и взяли Исфахан. Пётр решил воспользоваться воцарившимся Персии хаосом (Хушанг Мехдеви 2007: 63). Дополнительным импульсом к началу похода стало вторжение в Иран османов (Рамазани 2012: 40), также «смотревших жадными глазами» (Савагеб 2019: 101) на территории своего восточного соседа. В 1722 г. войска Петра I, игнорируя требования турок (Рамазани 2012: 42), взяли Дагестан и Дербент. Населению Кавказа было объявлено, пишет иранский исследователь, что целью России является защита своих подданных, а не расширение своих владений (Хушанг Мехдеви 2007: 63).

В начале 1723 г. отряд афганцев осадил Решт и правитель Гиляна (провинции, центром которой был Решт) направил Петру просьбу прислать войска в помощь окружённому городу. Тогда же Пётр приказал Семёну Аврамову, российскому консулу в Реште, прибыть в Исфахан и требовать возмещения царским подданным убытков в результате восстания лезгин и нападения хивинцев на русский караван. Махмуд Хотак ответил, что его власть не распространя-

ется на лезгин и хивинского хана, и России надлежит самой обеспечивать защиту своих подданных (Хушанг Мехдеви 2007: 63–64). Тем самым, в дополнение к приглашению местного правителя Россия получила официальное разрешение центральной власти на ввод войск.

В работах отечественных авторов приводятся иные датировки взятия Решта и несколько отличная последовательность событий, но в рамках настоящего исследования оценка иранской стороной Персидского похода важнее уточнения конкретных фактов. В любом случае российские историки подтверждают, что вводу русских войск в Гилян предшествовала просьба местных жителей о помощи против вторгшихся в страну афганцев (Курукин 2010: 85) (Иванов 1977: 201).

Стремительность продвижения российских войск была обусловлена не только отсутствием серьёзного сопротивления, но и желанием не допустить к Каспию османов (Хушанг Мехдеви 2007: 64). При этом Россия стремилась добиться не только фактического контроля над морским побережьем, но и официального признания своих завоеваний Ираном.

Теснимый врагами со всех сторон, Тахмасп II Сефевид, видя готовность России к прекращению военных действий и даже установлению союза, отправил на переговоры своего посла Исмаил-бека. 12 сентября 1723 г. был заключён договор, согласно которому Дербент, Баку, Ширван, Дагестан, земли талышей, Гилян, Мазандаран и Астрабад перешли под управление России, которая, в свою очередь, признавала Тахмаспа II законным шахом, становилась его союзником и оказывала содействие в изгнании афганцев из страны. Как пишет иранский историк А. Хушанг Мехдеви, Тахмасп рассчитывал, что эти территории перейдут под контроль русских временно, чтобы предотвратить выход османов к Каспию и Восточному Кавказу и при помощи России прогнать афганцев, в то время как в договоре, заключённом Исмаил-беком, было прописано, что провинции переходят в вечное владение русского царя. Тахмасп был разгневан завершением переговоров до такой степени, что посол боялся вернуться ко двору (Хушанг Мехдеви 2007: 65).

Русский царь неоднократно отправлял посланцев шаху для подтверждения договора (Зареи 2019: 114). Нежелание Тахмаспа подписать документ толкнуло Петра на заключение соглашения о разделе Ирана с турками (Хушанг Мехдеви 2007: 66), которые после известия о договоре возобновили наступление и взяли Хой и Керманшах. Несмотря на непризнание шахом условий заключённого Исмаил-беком соглашения, Россия считала их вступившими в силу и юридическим обоснованием перехода прикаспийских территорий в состав империи (Ахангаран 2008: 26).

Сам факт заключения Петербургского договора османы посчитали предательством Россией двусторонних переговоров по Ирану, проходивших в тот момент в Стамбуле, но при посредничестве Франции стороны всё же заключили 1724 г. договор о разделе сфер влияния (Рамазани 2012: 47). По Константинопольскому договору Турции отходили Грузия, Армения, бахтиярская часть Азер-

байджана вместе с Тебризом, озеро Урмия, провинции Курдистан и Керманшах, а России – территории между Тереком и Араксом, побережье Каспия, Дербент, Дагестан, северная часть Ширвана, Баку, Гилян, Мазендеран и Астрабад. Остальные территории Ирана оставались под управлением шаха Тахмаспа при условии, что он признает договор. В противном случае его трон должен был перейти другому представителю коренного населения (Хушанг Мехдеви 2007: 66).

Шах договор не признал. К лету 1725 г. турки заняли территории, которые к ним переходили по договору, а Россия после смерти Петра I прекратила активное продвижение на этом направлении, так что присоединение Мазандарана и Астрабада осталось на бумаге (Хушанг Мехдеви 2007: 66).

Пётр I, вне сомнения, открывший новый этап в российской истории, обладал широким видением и предлагал проекты, для реализации которых государство ещё не имело достаточных ресурсов и возможностей. Из восточных проектов Петра Алексеевича помимо Каспийского похода следует назвать также попытку включения в сферу влияния России территорий Средней Азии.

Интересу России к этому региону способствовали сообщения о наличии в долине Амударьи запасов золота, а также потенциальная возможность достичь Индии (Анисимов 2022: 316). Как пишет иранская историография, местные правители искали российской помощи. Когда Пётр, занятый противостоянием со шведами и турками, обратил внимание на этот отдалённый регион, он пришёл к мысли сделать его жителей подданными России. Предполагалось, что в Хиве и Бухаре разместятся русские войска, а расходы на их содержание будут оплачиваться из казны местных правителей (Моради 2016: 64). Но поход Бековича-Черкасского (1717) провалился, а Ориентальная экспедиция Флорио Беневини (1718–1725) не добилась серьёзных политических результатов. К воплощению своих «снов о Хиве» (Моради 2016: 65) Россия вернулась только век спустя – как и к продвижению в Каспийском регионе.

После смерти Петра I его наследие, в том числе неурегулированный территориальный вопрос на западном и южном побережье Каспия, перешло к его менее амбициозным преемникам. В 1726–1727 гг. велись переговоры между Тахмаспом и Василием Владимировичем Долгоруковым, представителем Екатерины I в Гиляне. На тот момент шах терпел серьёзные поражения от преемника Мир Махмуда Хотаки – Ашраф-шаха. Тот заключил договор с османами, признав султана халифом и подтвердив переход к туркам занятых ими иранских территорий в обмен на признание его власти и возвращение ряда городов. Князь Долгоруков предлагал Тахмаспу согласиться с утратой западной части Каспия в обмен на возвращение Гиляна, Мазандарана и Астрабада, но со смертью императрицы и улучшением положения Сефевидов переговоры сошли на нет (Ахангаран 2008: 26–27).

В это время на помощь шаху Тахмаспу пришли «патриотические силы» в лице Надира Афшара, позднее основавшего династию Афшаридов, и Фетх-Али Каджара, предка династии Каджаров. В борьбе между ними за власть верх

одержал Надир, постепенно возвративший под власть шаха территории, ранее входившие в состав государства Сефевидов, и стремившийся вернуть также прикаспийские владения. Не имея сил противостоять ни Тахмаспу, ни пользовавшемуся османской поддержкой Ашрафу, Россия заключила с последним 14 января 1729 г. «Первый Рештский трактат»⁷, приведший к утрате Ашрафом поддержки Порты. В том же году Ашраф потерпел поражение от войск Надира, который в 1732 г. сместил Тахмаспа II и посадил на престол его малолетнего сына Аббаса III, при котором стал великим визирем. С того времени Россия оказывала поддержку Надиру в надежде, что тот прогонит афганцев и османов (Хушанг Мехдеви 2007: 68).

Став фактическим правителем страны, Надир направил ко двору Анны Иоанновны послов с требованием очистить территории Ирана от русских войск; ему ответили, что прикаспийские земли были заняты, чтобы они не попали в руки турок. Россия понимала, что при воинственном Надире Афшаре её договор с турками нереалистичен. Фактически империя не извлекала пользы от своих владений в Гиляне: географические условия препятствовали развитию судоходства на Каспии, а на южном берегу моря отсутствовал порт для приёма кораблей. Провинция была густо покрыта лесами, дороги немногочисленны и находились в плохом состоянии, что сильно осложняло какое-либо передвижение по суше. К тому же население продолжало сопротивление русским войскам, которые во влажном климате массово выкашивались болезнями (Зареи 2019: 118–119). Если Пётр был серьёзно настроен по отношению к южному побережью Каспия, вплоть до намерения переселять в Гилян армян, выселяя при этом коренное население (Зареи 2019: 121), то его преемники были настроены более реалистично.

Военные успехи Надир-шаха и его решимость восстановить границы эпохи Сефевидов привели к заключению в 1732 г. Рештского трактата, по которому Россия вернула Персии Мазандаран, Астрабад и Гилян, оставляя за собой Дербент и Баку до изгнания турок с Кавказа (Хушанг Мехдеви 2007: 69).

В 1734 г., когда Россия и Турция находились на пороге войны, Надир-шах пригрозил, что заключит договор с османами, если Россия не вернёт Ирану кавказские территории. На следующий год разгорелась очередная русско-турецкая война. В условиях продолжавшейся Войны за польское наследство Петербург был заинтересован в продолжении войны Надира с турками – и империя пошла на уступки (Рамазани 2012: 51). В 1735 г. был подписан Гянджинский трактат, по

⁷ По договору Россия возвращала Гилян и Мазандаран (Ахангаран А. 2008. Джайгах-е кавказ дар сийасат-е хареджи-йе надершах (Место Кавказа во внешней политике Надир-шаха). *Фаслنامه-йе тарих-е равабет-е хареджи*. 37. С. 25) или Ашраф признал положения Петербургского договора (Хушанг Мехдеви А. 2007. Таджавозха-йе пейпае-йе русие бе иран пиш аз джангха-йе иран ва рус (Последовательная агрессия России в отношении Ирана до войн Ирана с Россией). *Сима-йе эктесади*. 235–236. С. 67).

которому Россия вернула Персии Дербент и Баку, что стало блестящей победой Надир-шаха Афшара. Один из пунктов договора – отказ от ведения переговоров с османами без консультаций друг с другом – Персия не выполнила, заключив в 1736 г. мир с турками, что потрясло Петербург (Хушанг Мехдеви 2007: 69).

Таким образом, успехи Надир-шаха, сумевшего не только спасти страну от развала, но и восстановить её мощь, а также меньшая амбициозность преемников Петра свели на нет достижения Персидского похода. Фигуру Надир-шаха в Иране оценивают положительно: при нём страна фактически в последний раз пережила взлёт как могущественная военная держава, осуществила масштабную территориальную экспансию и успешно вела войны с соседями. Его взлёт с самых низов до вершин власти, успешные походы на огромной территории: от восточных провинций Османской империи до Дели – составили ему славу «иранского Наполеона» и последнего, в представлении иранцев, великого завоевателя в Азии⁸. В трудах иранских историков отмечается, что Надир на время остановил экспансию северного соседа (Зареи 2019: 115). При этом говорится, что Россия заключила Гянджинский трактат не вследствие настойчивости Надир-шаха, а стремясь подлить масла в огонь турецко-иранского противостояния и улучшить отношения с шахом путём возвращения приобретений, слишком дорого ей обошедшихся (Ахангаран 2008: 32).

Войнам с Портой первого Афшарида на персидском троне иранская историческая наука уделяет намного больше внимания, чем его взаимоотношениям с Россией, так как Османская империя была традиционным противником Персии в борьбе за доминирование в регионе. Даже при талантах Надир-шаха противостояние шло долго и с переменным успехом.

Иранские историки единодушны во мнении, что для России Персидский поход был безрезультатным (Колизаде 2014: 116), если сбросить со счетов то обстоятельство, что турки не смогли выйти к Каспию (Хушанг Мехдеви 2007: 69). Указывается, что Россия, тем не менее, не утратила надежды на подчинение Кавказа (Хейдари 2009: 146).

Персидский поход в иранской прессе

В аналитических статьях, посвящённых Гюлистану, Туркманчаю, русско-персидским войнам XIX в. или истории Кавказа, Петра упоминают как человека, определившего новый подход России в отношении Кавказа и взаимоотношениям России с Ираном. Иногда императора называют зачинателем нового

⁸ Надер шах афшар – рузха-йе пайани-йе зендеги ва солтанат-е ахерин фатех-е бохор-е асьяа (Надир-шах Афшар – последние дни жизни и правления последнего великого азиатского завоевателя). *Тарихблог*. URL: <http://tarikhblog.ir/%D9%86%D8%A7%D8%AF%D8%B1%D8%B4%D8%A7%D9%87-%D8%A7%D9%81%D8%B4%D8%A7%D8%B1-%D8%B1%D9%88%D8%B2%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D9%BE%D8%A7%DB%8C%D8%A7%D9%86%DB%8C/> (дата обращения: 18.11.2021)

подхода нашей страны к своему южному соседу и Каспию (Амирахмадиян 2012: 2) и даже политики «русификации» моря (Зареи 2019: 113).

В иранском общественно-политическом дискурсе часто упоминаются русско-персидские войны начала XIX в.: по Гюлистанскому миру Персия потеряла значительные территории на Кавказе, а Туркманчайский мирный договор⁹ рассматривается как унижение персидской стороны. В прессе поражение Ирана на внешнеполитической арене иногда называют «новым Туркманчаем», в частности, так некоторые СМИ называли подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря¹⁰.

Однако Персидский поход в иранских СМИ не фигурирует. В редких упоминаниях Петра I публикациями из серии «День в истории» агентств ИРНА и Мехр не затрагивается тема взаимоотношений российского императора с Персией. Агентство Мехр с 2003 по 2007 гг. несколько раз включало в эти рубрики годовщины рождения и смерти Петра, принятия им титула императора, переноса празднования Нового года на 1 января, введения Табели о рангах, вторжения войск Карла XII в Россию, но ни разу не говорилось о Персидском походе. Не упоминает Персидского похода в общей характеристике Петра и ИРНА¹¹.

В то же время на сайтах иранских СМИ Пётр и Николай II упоминаются чаще остальных российских монархов. Те императоры, при которых Россия вела войны с Ираном, не интересны СМИ: Николай I упоминается редко и вскользь^{12, 13}, а Александр I не упоминается вовсе.

Персидский поход в иранских школьных учебниках

Для анализа образовательной литературы мы использовали два учебных пособия. Первое, «Иран и современный мир», предназначено иранским школьникам последних лет обучения. Это учебное издание посвящено событиям иранской и всемирной истории от падения государства Сефевидов в 1720-х гг. до ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Второй учебник – «Современная история Ирана», со времён Надир-шаха, по которому обучаются учащиеся начальной и средней школы.

⁹ Торкманчай; таджробеи талх аз дипломаси-йе каджарха (Туркманчай; Горький опыт дипломатии Каджаров). ИРНА. URL: <https://www.irna.ir/news/84235383> (дата обращения: 07.09.2021)

¹⁰ Конвансьюн-е режим-е хокуки-йе хазар: махмуд-е садеки несбат бе к торкманча-йе дигяр хошдар дад. (Конвенция о правовом статусе Каспия: Мухмуд Садеки предупредил о «новом Туркманчае»). Радио замане. URL: <https://www.radiozamaneh.com/407280> (дата обращения: 18.11.2021)

¹¹ Джахан дар хафт руз пиш-е ру (Мир в ближайшие семь дней). ИРНА. URL: <https://www.irna.ir/news/80098590> (дата обращения: 07.09.2021)

¹² Фарда дар тарих (Завтрашний день в истории). Мехр. URL: <https://www.mehrnews.com/news/128080> (дата обращения: 18.11.2021)

¹³ Бе сорхи-йе хун, бе саби-йе зендеги (Красный как кровь, зеленый как жизнь). ИРНА. URL: <https://www.irna.ir/news/83319233> (дата обращения: 18.11.2021)

В упомянутой учебной литературе российско-иранским отношениям до XIX в. уделено всего лишь два предложения. Говорится, что после вторжения афганцев «османы и русские воспользовались случаем и захватили северную и западную части Ирана»¹⁴. В параграфе, посвящённом восстановлению целостности Ирана, упоминается, что Надир-шах в ходе нескольких войн разбил османов и освободил занятые ими территории. Русские же, «увидевшие военную мощь и воинственность Надира Афшара, вывели свои войска из Ирана до того, как шах перейдёт к военным действиям»¹⁵.

Петру I в учебнике посвящён абзац «Россия на пути военной экспансии», в котором сказано, что деятельность императора привела к «присоединению России к колониальной гонке. Одним из направлений политики Петра... было расширение территорий и получение доступа к свободным морям... преемники [Петра – М.П.] проводили широкомасштабные военные операции в Восточной Европе и в бассейнах Балтийского, Чёрного и Каспийского морей, что повлекло за собой многочисленные войны России с Ираном, османами и рядом европейских стран, например, с Францией»¹⁶. То есть вновь подчёркивается, что Пётр определил вектор российской политики на юге, но его личные практические действия в этом направлении, в т.ч. напрямую связанные с иранской историей – Персидский поход – не упоминаются ни прямо, ни косвенно, хотя даже в этом контексте делается отсылка к русско-персидским войнам XIX в.

Следует отметить, что в этом учебнике, охватывающем события иранской и всемирной истории на протяжении трёх веков, Петру I уделяется довольно много внимания. Описанию итогов его деятельности посвящён абзац в 740 знаков: для сравнения, его современнику Надир-шаху уделено 2300 знаков текста, Наполеону – 1200 знаков. Ага-Мухаммеду, жестокому правителю, основавшему крайне непопулярную, но значимую шахскую династию – 1060 знаков. Сталину – 1360 знаков. Приведём в качестве примера для сравнения с Персидским походом раздел учебника про Гилянское восстание и его вождя Мирзу Кучекхана – событие достаточно далёкое, чтобы не быть мишенью идеологической пропаганды, но весьма важное для иранской истории XX в.: оно описано 1800 знаками¹⁷. А такие исторические личности, как Махатма Ганди, Мустафа Кемаль Ататюрк и Отто фон Бисмарк упоминаются единожды и вскользь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, обходя упоминание Персидского похода, иранская учебная программа по истории признаёт значимость фигуры Петра I и выделяет его из числа российских монархов. Пётр – единственный русский император, кто назван по имени.

¹⁴ Абухамзе А., Багестани Э., Бижани М., Могадам А.П., Хешмати Ф., Резави А., Хорасани Х.Р., Салими Х., Фатхи К., Салехиния П. 2020. Тарих (3) – иран ва джахан-е мо'асер (История (3) – Иран и современный мир). Тегеран: Шеркат-е чап ва нашр-е кетабха-йе дарси-йе иран. С. 16.

¹⁵ Там же. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 31.

¹⁷ Там же. С. 93–94.

Также следует отметить, что в описании фигуры Петра I отсутствует негативная окраска. Если бы Каспийскому походу придавалась значимость – нет сомнений, это было бы упомянуто. При этом «посягательствам России на территории Ирана» в начале XIX в. уделено несколько страниц¹⁸ и нельзя сказать, что авторы стремились к беспристрастной оценке деятелей. И в других случаях нейтральный стиль уступает идеологии. Так, в описании Сталина присутствуют упоминания развязанной им «кровавой бойни»¹⁹ (имеются в виду репрессии), а большая часть повествования о Касеме Сулеймани посвящена его убийству «большим шайтаном» (США) и «горю, охватившему всё пространство от Кербелы до Мешхеда»²⁰. Напротив, в описании правления Петра соблюден нейтральный стиль изложения.

В начале учебника «Современная история Ирана» описан период правления династии Сефевидов и изложена основная информация о Надир-шахе; упоминаний России нет. Войнам Ирана с Россией в первой четверти XIX в. уделено несколько страниц²¹, однако описание предыстории этих конфликтов начинается с политики Екатерины II на Кавказе и в отношении Грузии.

* * *

Проделанный анализ демонстрирует, что Персидский поход Петра I не имеет такой же негативной оценки в иранском обществе, как русско-персидские войны XIX в. Это во многом забытое событие истории российско-иранских отношений из-за формального отсутствия состояния войны между двумя странами, кратковременности его результатов и мирного возвращения Надиром Афшаром прикаспийских территорий.

Анализ научных статей, учебной литературы и иранских СМИ показывает, что в современном Иране Персидский поход не рассматривается как война между двумя странами. В литературе чётко проводится грань между войнами XIX в., по итогам которых были подписаны Гюлистанский и Туркманчайский мирные договоры, и предшествовавшими событиями.

В иранских источниках Персидский поход не считается официальным конфликтом между двумя странами. Действуя с согласия официальных властей в лице Махмуда Хотаки, а также по приглашению местного населения, Пётр I ввёл войска под предлогом защиты своих подданных. На своём пути русские не столкнулись с каким-либо серьёзным сопротивлением и достаточно быстро заняли территории от Дагестана до Гиляна. Более того, урегулирование территориаль-

¹⁸ Там же. С. 41–44.

¹⁹ Там же. С. 101.

²⁰ Там же. С. 188.

²¹ Велайати А.А., Манеш Д.Е., Мирзаи Г.Р., Таваколи Й., Джавидийан М. 2013. Тарих-е мо'асер-е иран (Современная история Ирана). Тегеран: Шеркат-е чап ва нашр-е кетабха-йе дарси-йе иран. С. 18–21.

ного вопроса проходило исключительно в рамках дипломатии, без военных действий, хотя и было заключено двустороннее соглашение между Россией и Османской империей о разделе сфер влияния в Персии.

Ни при Петре I, ни при его преемниках Россия не смогла добиться от Персии признания того факта, что упомянутые в Константинопольском и Петербургском договорах территории остаются во владении России даже с оговорками. Достаточно быстро позиции Тахмаспа II, поддержанного талантливым полководцем Надиром Афшаром, укрепились и он потеснил своих врагов. Свергнув Тахмаспа и став фактическим правителем Ирана, Надир продолжил воссоздание государства в границах периода Сефевидов. Россия, заинтересованная в продолжении ирано-турецкой войны и боясь заключения между ними сепаратного мира, по условиям Рештского и Гянджинского трактата вернула Персии занятые в правление Петра I территории. При этом на южном побережье Каспия русские присутствовали только в Гиляне. По мнению иранских исследователей, Персидский поход стал для России безрезультатным: правда, удалось не допустить турок к Каспию, но приход к власти Надир-шаха не позволил закрепить территориальные приобретения.

При Надир-шахе Иран пережил блистательный подъём как военно-политическая держава, на фоне чего были забыты предшествовавшие десятилетия смут. С началом XIX в. Персия стала терпеть поражение за поражением. Страна утратила территории, долгие века ей принадлежавшие или находившиеся в её сфере влияния, и превратилась в арену борьбы между западными державами. На этом фоне события Персидского похода выглядят менее значимыми.

Иранская историческая наука, учебная литература и пресса «забыли» Персидский поход, однако внимание к фигуре первого русского императора сохраняется. Пётр как личность упоминается в исторических публикациях и в СМИ чаще, чем все российские монархи. Пётр выделен как важная историческая личность в рамках школьного курса истории. Иранская историография признаёт за Петром идейный поворот в российской южной политике и формирование нового подхода к взаимоотношениям с Персией.

Об авторе:

Михаил Андреевич Подрезов – лаборант-исследователь Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН 107031, Москва, ул. Рождественка, 12.
E-mail: podrezovm@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.2
Received: March 10, 2022
Accepted: December 15, 2022

Memory of Persian campaign of Peter the Great in modern Iran

M.A. Podrezov
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-179-193](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-179-193)

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Abstract: The article investigates the modern historical memory in Iran of the Persian campaign of Peter the Great that became the first serious attempt of Russia to conquer a part of its southern neighbor's territory. The article analyses Iranian historical memory of these events using relevant research publications of Persian-speaking authors, Iranian news agencies, and schoolbooks. It compares the Iranian perceptions of the Peter's Persian campaign and of other Russo-Iranian conflicts at the beginning of the 19th century. The author concludes that the Iranians do not view Peter's campaign as a war and distinguish it from other conflicts of the century. This perception can be accounted for by the short life of the results of the campaign; by the quick, peaceful restoration of the status quo; by the lack of an official state of war between Russia and the governments of Tahmasp II and the shahs from the Hotak dynasty and clashes between the armies of the countries. The Iranian media and educational literature do not mention the Persian campaign, even in the few publications and sections devoted directly to Peter I. Historical literature hardly mentions it either. Such "oblivion" of the main event in Peter's of the first Russian emperor related to Iran does not stem from the degree of attention to his personality in Iran. He appears in the media more often than many other Russian rulers and draws comparatively much attention in the educational and scientific literature - even in comparison with other significant historical figures. Iranian historiography perceives Peter the Great as a ruler who defined a new vector of Russo-Iranian interrogation but not as a person who attempted expansion on the territory of Iran. This experience helps to analyze the history of bilateral relations and the factors influencing the Iranian perception of the Russian image.

Keywords: Russian-Iranian relations, Russian-Iranian wars, Tahmasp II, Nader Shah, Treaty of Saint Petersburg

About the authors:

Mikhail A. Podrezov – researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031.

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

Abuhamze A., Baqestani E., Bizhani M., Moqadam A.P., Heshmati F., Rezavi A., Khorasani H.R., Salimi H., Fathi K. and Salehiniya P. 2020. *Tarikh (3) – iran va jahan-e mo'aser* [History (3) – Iran and modern world]. Tehran: Sherkat-e chap va nashr-e ketabha-ye darsi-ye iran. (In Persian).

Ahangaran A. 2008. Jaygah-e kawkaz dar siyaset-e khareji-ye nadershah [Place of the Caucasus region in the foreign policy of Nader Shah]. *Faslname-ye tarikh-e ravabet-e khareji*. 37: 24-51. (In Persian).

Amirahmadiyan B. 2012. Nam-e darya-ye khazar dar manabe-ye joqrfayai va tarikhi [Name of the Caspian Sea in geographical and historical sources]. *Ketab-e mah-e tarikh va joqrfaya*. 167: 2-11. (In Persian).

Heidari A. 2009. Atash dar azarbayjan «Jangha-ye iran va rusiye. Vaz'-e azarbayjan va 'elal-e shekast-e iran» [Fire in Azerbaijan «Iranian-Russian wars, the situation in Azerbaijan and the causes of the defeat of Iran»]. *Tarikh-e mo'aser-e iran*. 51: 145-166. (In Persian).

Hushang Mehdevi A. 2007. Tajavozha-ye peyape-ye rusie be iran pish az jangha-ye iran va rus [Russian consistent aggression against Iran before the Iranian-Russian wars]. *Sima-ye eqtesadi*. 235-236: 62-73. (In Persian).

Kolizade M. and Rashidzade S. 2014. Estila-ye rusiye-ye tezari bar kawkaz-e jonubi va e'imal-e eslahat-e edari-siyasi dar an mantaqe [Conquest of South Caucasus by Tsars Russia and the implementation of the political and administrative reforms in that region]. *Pazhuhesh dar Tarikh*. 14: 112-130. (In Persian).

Moradi M. and Shabani Sani Z. 2016. Barresi-ye naqsh-e rusiye va englestan dar taha-jomat-e torkamanan be iran (sade-ye 19) [A study about the role of Russia and Britain in the 'Turkmans' Raids on Iran (19th century)]. *Faslname-ye elmi-pazhuheshi-ye pazuheshname-ye khorasan-e bozorg*. 22: 63-72. (In Persian).

Moshfakifar E. and Javan M. 2008. Naqsh-e niruha-ye mardomi dar jangha-ye iran va rusiye [Role of the people forces in Iranian-Russian wars]. *Faslname-ye motale'at-e basij*. 38: 89-105. (In Persian).

Omidi A. 2008. Farhang-e siyasi va ta'sir-e an dar ruykard-e iraniyan be rusiye [Political culture and its impact on the Iranians approach to Russia]. *Faslname-ye asya-ye markazi va kawkaz*. 61: 65-90. (In Persian).

Ramazani R. 2012. Ravabet-r khareji-ye iran az safaviye ta baramadan-e nadershah [External affairs of Iran since the Safavid period until the Nader Shah coming to power]. *Faslname-ye tarikh-e ravabet-e khareji*. 52-53: 37-62. (In Persian).

Savaqeb J., Lobatfard A. and Hoseini M. 2019. Siyaset-e nezami-ye nadershah afshar dar kawkaz [Nader Shah military policy in the Caucasian region]. *Faslname-ye tarikh-e ravabet-e khareji*. 80: 97-121. (In Persian).

Velayati A.A., Manesh D.E., Mirzaei G.A., Tavakoli Y. and Javadiyan M. 2013. *Tarikh-e mo'aser-e iran* [Modern history of Iran]. Tehran: Sherkat-e chap va nashr-e ketabha-ye darsi-ye iran. (In Persian).

Zarei A, Motevali A. 2019. Barresi-ye avamel-e napaydari-ye hozur-e nezami-ye rusia dar keraneha-ye jonubi-ye darya-ye khazar az avakher-e safavi-ye ta avayel-e kajar [Study of the factors of the instability of the Russian military presence at the south coast of the Caspian Sea since the end of the Safavid period till the beginning of the Kajar period]. *Pazhuheshha-ye tarikhi* 41: 111-125. (In Persian).

Anisimov E.V. 2022. Dvijiye imperii Petra Velikogo na Vostok [Eastward Motion of Peter the Great's Empire]. *RUDN Journal of Russian History*. 21 (3): 312–321. (In Russian).

Inpzemtseva E.I. 2019. *O soyuznikah Rossii v zapadnom prikasp'ii v 1722-1735 godah* [The Allies of Russia in Western Pre-Caspian Region in 1722–1735]. In: 11th International Peter the Great Congress, St Petersburg, Russia, 1-2 June 2018, pp. 88-98. St Petersburg: Evropeyskiy Dom Publishing.

Ivanov M.S. 1977. *Istoriya Irana* [The History of Iran]. Moscow: Lomonosov University. (In Russian).

Kurukin I.V. 2010. *Persidskiy pohod Petra Velikogo. Nizivoy korpus na beregah Kaspiya (1722-1735)* [The Persian campaign of Peter the Great. The Lower reaches corps on the Caspian coast (1722-1735)]. Moscow: Kvadriga; Ob'edinennaya redaktsiya MVD Rossii. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Анисимов Е. В. 2022. Движение империи Петра Великого на Восток. *Вестник Российского университета дружбы народов*. 21(3). С. 312–321. DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-3-312-321.

Иванов М. С. 1977. *История Ирана*. Москва: Издательство МГУ.

Иноземцева Е. И. 2019. О союзниках России в западном Прикаспии в 1722–1735 годах. *Пётр I и Восток: Материалы XI Международного петровского конгресса*, Санкт-Петербург, Россия, 1–2 июня 2018 года. С. 88–98. Санкт-Петербург: Издательство «Европейский Дом».

Курукин И.В. 2010. *Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735)*. Москва: Квадрига; Объединённая редакция МВД России.